МАДЕЙРАНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

ИВАН КАРАСЁВ

ИВАН КАРАСЁВ

МАДЕЙРАНСКИЕ

ЗАРИСОВКИ

рассказы

JK
CLUB

2019

БЕЛЫЙ ДОМИК

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под огнем.

В.И. Ленин «Что делать»

Мы шли тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы были окружены со всех сторон горными вершинами и зияющими пропастями, и не все из нас осмеливались смотреть вниз. Такая получилась адаптированная цитата из творений Ильича. Нас ведь так кормили его произведениями, что до сих пор изрядно продырявленная память воспроизводит кое-что. Ленин под словом «мы» имел в виду, естественно, большевиков. Но в данном случае, мы – это группа из четырёх взрослых (две

семейные пары) и троих детей самого компьютерного возраста. Дети с трудом переносили этот вынужденный отрыв от увлекательных стрелялок и ходилок, но выбор у них отсутствовал. До определённого возраста, как известно, часто трудно понять зачем нужно себя истязать подобными мероприятиями, когда можно с большим комфортом сидеть дома перед ярко подсвеченным монитором волшебного ящика и жевать печенье.

Нашей целью был не коммунизм, как у соратников Ленина, а таинственный белый домик на краю не самого простого туристского маршрута по полуострову Сан-Лоренцу. Дорога была нелёгкой, порой под ногой какой-нибудь камешек предательски шатался и укатывался, хочется сказать в бездну, ну не совсем, однако человеку хватило бы и этого. То справа, то слева от тропки «вырастали» крутые обрывы и глубокие ущелья. Присутствие детей не добавляло морального комфорта, я весь издёргался, окрикивая старшего, ну а нашего младшего, способного иногда , забыв обо всём на свете, погнаться за бабочкой, просто старался по возможности держать за руку. Ширина протоптанного туристами пути не всегда позволяла это. Зато по ходу открывались прекраснейшие виды прибрежных скал, о которые в бессильной ярости разбивалась океанская волна то небесно-голубого, то бирюзового цвета, завораживали глаз панорамы загадочных бухт, окружённых горами с трёх сторон. Стоишь, смотришь туда и думаешь о вечном. Ведь точно так же бесновались здесь волны и десять тысяч лет назад, точно так же они будут бурлить ещё через десять тысяч лет. Когда-то тут могли высаживаться частенько наведывавшиеся на Мадейру французские пираты, когда-то к здешним берегам приставали почти исчезнувшие ныне мадейранские рыбаки. И всё это было практически под ногами: ещё шаг и нога нащупает пропасть, но нет, видовая площадка огорожена, хотя подходить к самому краю порой страшновато. Там настоящий, на 90 градусов пятидесяти-шестидесятиметровый обрыв.

Но домик был всё же главной целью. Во всяком случае, так хотелось думать. Очень рвались мы пройти весь путь. Тем более, что временами дорога становилась легче, и голова не кружилась при одном взгляде вниз. По этим местам уже ходили, а последняя точка оставалась недостижима, то дети запротестуют, мол, пойдём назад, ничего больше интересного нет (как будто только что они считали, что лазание по горным тропкам – это самая весёлая часть их жизни), то не выдерживали нервы при виде очередной расщелины, то ещё что-нибудь. Посему в тот день никакие протесты младших членов нашего сообщества не могли переменить твёрдого решения взрослой части коллектива добраться до самого конца этого горного терренкура. Дети понимали и, похоже, сопротивлялись только для приличия, чтобы ещё раз на них обратили внимание взрослые и вспомнили, что переходный возраст-таки начался.

Наши друзья и товарищи по походу там оказались впервые, но тоже увлеклись идеей добраться до загадочной постройки, к которой сквозь горы и ущелья усердно пробивались туристы. Иногда казалось, что не красоты мадейранской природы больше всего привлекают людей на эту часть острова, а именно желание дойти до домика и открыть там для себя что-нибудь интересное. Люди ведь всегда стремятся познать неизведанное. Такова наша натура, она толкает нас на всякие безумства, которые зачастую двигают прогресс вперёд.

Конечно, грамотные люди в случаях, подобных нашему (всё-таки домик – не Terra Australis Incognita) могут найти информацию в муниципальном туристическом офисе, но тогда исчезнет интрига, поэтому мы даже не задумывались о таком прозаичном подходе к решению загадки белого домика.

Нещадно, совсем не по-январски, даже для Мадейры палило солнце. Пот лился ручьём с лица и спины. До камней потемнее нельзя было дотронуться, не рискуя слегка поджарить пальцы. Мы этого не делали, человечину не едим. Лёгкий морской бриз сделал бы прогулку более приятной, но даже малейший намёк на ветер полностью отсутствовал. Дети осмелели и стали более настойчиво предлагать развернуть стопы в обратном направлении. К тому же все запасы воды они выпили за первые минут двадцать путешествия, и чувство жажды придавало им большую уверенность в своей правоте. Но взрослые оставались непреклонны: «Там, в белом домике, мы купим вам воду и не только! Наверняка будут какие-нибудь лёгкие закуски и сладости с кока-колой. Так что терпите – ещё совсем немного, и мы у цели!»

Однако к загадочному строению мы приближались медленно, во-первых, часть группы явно подутомилась, во-вторых, местами наша дорожка становилась настоящим горным серпантином, и сто метров по прямой превращались в полкилометра штурма горных перевалов. И это многовато для нашего не очень сильно подготовленного к таким походам коллектива. Однако упорства нам не занимать в некоторых случаях, особенно когда дело касается еды и питья.

Пить хотели все, но кто-то терпел, а дети начали откровенно ныть, пришлось утешать их обещаниями и расписывать виртуальный ресторан, от возможности присесть в котором уже не отказался бы никто из нас, даже самые стойкие.

Мы были преисполнены оптимизма, но вдруг кто-то из детей высказал неожиданно здравую, но крамольную мысль: «А как они туда возят продукты, ведь не по этой узенькой тропинке, тут даже на велосипеде не проедешь!»

Все задумались, действительно, как? Вьючных осликов мы в этих благословенных краях не встречали. И в этот момент самый зоркий из нас

разглядел чуть ниже домика микро-бухту, а в ней катерок – он явно собирался отчаливать. Ну вот она разгадка, всё гениальное просто – еду доставляют морем. Мы повеселели, а некоторые уже явно представили холодное пиво в больших бокалах. Такую янтарного цвета жидкость с пенной шапкой, особенно помогает страждущим в жаркие дни.

Ну вот последний рывок, и мы наконец-то у цели, долгожданный домик, сейчас нас там напоят и накормят. Мы всё-таки это сделали и можем гордиться собой и своим упорством. Правда, при ближайшем рассмотрении он потерял свой привлекательный белоснежный цвет и внезапно стал банально серым, из обычного местного камня. Белым его делали лучи яркого южного солнца. Но мы совершенно не расстроились. Серый, так серый, какое нам дело до колера. Домик – наш, остаётся только с видом гордого римского императора триумфально войти туда и с комфортом развалиться на мягких креслах. Но оказалось, что неожиданные хамелеоновские качества строения явились лишь прелюдией. Сначала мы слегка насторожились, когда заметили человека, выходившего из заветного домика не с пивом или лимонадом, а явно с какой-то продукцией полиграфической промышленности. Однако успокаивало наличие террасы с деревянными скамейками и столами. Значит, думалось, мы были правы – это всё-таки заведение общепита, не ресторан, конечно, но кафе-закусочная, что-нибудь в этом роде.

Но настоящее разочарование ждало нас внутри: там, на нескольких стеллажах «скучали» тяжеленные альбомы. В них демонстрировались красоты острова, которые мы только что наблюдали вживую. Казалось бы, такие вещи нужно продавать в городе, дабы привлечь туриста в эти самые красоты. Среди альбомов и пары наименований книг нигде даже не пыталась спрятаться маленькая бутылочка воды! Только несколько одиноких футболок с видами острова. Но ведь их не выпьешь. Зачем нужна дорога, если она не ведёт к точке общепита? Не правда ли, ведь нынче такой главный лозунг туриста? А на террасу, оказывается, нужно приходить со своей едой. Очень практично – на каждого по два литра воды и бутерброды. Нет, существуют рюкзаки, но мне казалось, что иногда в современном мире можно обходиться без них.

За конторкой в углу скучал молодой человек с отсутствующим видом. Он даже не пытался заметить наши страдания, видимо, прекрасно понимал их причину. Тогда я, как более-менее (менее, чем более) говорящий на абсолютно всех языках данного острова, то есть на английском и португальском осмелился обратить на себя внимание и спросил у «хозяина» лавки, а нет ли у него бутилированной воды на продажу. Вопрос оживил человека, и он, немного оглянувшись по сторонам, ответил: «Вообще-то нет, но для нас найдётся одна, даже по сходной цене, всего пять евро за 0,6 литра!» В местных магазинах такие ёмкости уходят за 30-60 центов. Но нам было не до торга,

умоляющие взгляды младшего поколения обеспечили победу хитрого деляги. Взрослым воды не досталось, даже наши дети, помешанные на вопросах гигиены еды («Это уже кто-то кусал!»), не вспомнили о необходимости пить только из индивидуальной посуды, с горла выхлестав свои доли в один приём. Не обошлось без претензий («Он выпил больше!»), но мы умеем разруливать подобные ситуации.

Поход удался, узнали много нового и возвращались из «белого» домика среди захватывающих дух ущелий и величественных скал, изумрудных бухт и пляжиков с чёрной галькой, усталые брели восвояси с изрядным чувством жажды и полные впечатлений. Самое сильное, конечно, оставил молодой человек за конторкой.

Выводы сделали: иногда полезно наводить справки, особенно, когда ты на Мадейре, потому что интрига может выйти боком. С тех пор в походы ходим только заправившись предварительно справочной информацией. Знание – сила.

МОЙ ДРУГ АНТОНИО

Антонио второй справа, фотографироваться захотели все.

Мой друг Антонио держит бар. Требуются пояснения, почему он мой друг и почему держит бар. Сейчас объясню. У меня в славном мадейранском городе Машику несколько друзей, один из них – Саша из Винницы, это отдельная история, я о ней уже писал. Есть ещё трое – все хозяева ресторанов, где мы любим перекусить, так сказать. Там дружба, видимо, имеет меркантильные корни, когда оставляешь в заведении от пятидесяти до ста и больше евро, владельцы иных общепитов готовы целовать тебя в засос целый день, устать можно от такой любви. В общем смысл один - только бы ещё пришёл, он и ещё раз поцелует, но я целоваться с мужиками не очень люблю, а посему приходиться чередовать. Тем более, что здесь ресторанов-баров - изобилие. Но у Антонио всё не так, мы подружились как-то сразу, не доводя счёт до заветной зелёной евробумажки с цифрой «100», просто в один предновогодний день Антонио назвал меня другом и даже угостил нас с женой мадерой, не прося ничего взамен. Я у него вообще больше трёх евро практически никогда не платил – две рюмки мадеры, пожалуйста, сухой и полусухой (первая супруге). Всякий раз, когда я захожу, один ли, с женой ли, неважно, мой друг отрывается от своей традиционной карточной игры с друзьями, опуская высоко поднятую руку с картой, готовой побить валет соперника и бежит за стойку меня (нас) обслуживать. Со всенепременной улыбкой, занимающей большую часть его широкого, загорелого лица он приносит нам заказанное да ещё насыплет в маленькую тарелочку орешков на закусон.

Нет, вначале мы даже мадеру пили на первой линии, по четыре евро за рюмку, но при магазинной цене пять пятьдесят за семисотпятидесятиграммовую бутылку это казалось, мягко говоря, дороговато. Наконец, каким-то чудом мы нашли Антонио, не на парадной линии, прямо вдоль пляжа, а на параллельной улице, немного далековато, конечно, целых метров сто от общей купальни, но всего полтора евро за ту же самую мадеру (в городе, особенно выше, на горе, можно найти ещё дешевле, даже за евро всего, но дотуда далеко идти – совсем замёрзнешь после освежающего январского купания). С тех пор, возвращаясь с пляжа, особенно в непляжную погоду (потому что такие придурки, как мы, плавают каждый день по полчаса в прохладной воде и даже под дождём – он ведь не мешает практиковать брасс, например. В таких случаях главное хорошо прикрыть моей непромокаемой курткой всю нашу одежду, чтобы потом не влезать в мокрые, ненадевающиеся джинсы). Накупавшись, мы заходим к моему другу Антонио пропустить по стаканчику.

Антонио сразу выделил меня. Меня, не жену, потому что здесь, на Мадейре, всё очень чётко делится по гендерному признаку. Женщинам тоже можно сидеть в кафе, но, как правило, днём. Они пьют кофе с другими женщинами, долго, часа по два обсуждают свои женские проблемы, а мужчины точат лясы целыми днями и вечерами угадайте с кем? Ну не с бабами, конечно. Так и у Антонио, если бы Юля брала у него в три раза больше мадеры, это было бы только медицинским фактом, не больше. «Ну и пьют эти туристки, - подумал бы мой друг, - куда катится наша Европа (лёгкое пояснение – Мадейра географически – это не Европа вовсе, а, скорее, Африка)? Вот моя жена дома, уборку делает, внуков в колыбели качает». И вправду, ни разу в баре Антонио мы не видели ни одной женщины, жены Антонио, или какой другой, ну никого, кроме Юли, она в нём – какое-то по счёту, не помню, чудо света.

Вот я заказал Антонио немного мадеры и стал другом. Правда у него таких много. Ещё бы – он держит бар для себя, чтобы можно было рубиться в карты или в домино с друзьями (дома ведь может супруга возмутиться, и вообще у мадейранцев не принято ходить в гости, тем более, чтобы играть в азартные игры), а тут к нему регулярно заходит длинноволосый с совсем не чёрной пигментацией причёски (и то, и другое в маленькой Машику редко увидишь) иностранец, к тому же из довольно неординарной страны - из России. Что там, верблюды или медведи бегают по улицам, кто вспомнит, ребята? Каждый раз Антонио спрашивает меня: «А не холодна ли девятнадцатиградусная водичка?», и я отвечаю ему, улыбаясь: «да нет, вода холодна, когда минус двадцать, смотри телевизор, даже ваш португальский ящик, которому ничего не интересно, кроме футбола, показал крещенские купания в России и Путина, вылезавшего из проруби (вот это подвиг, на самом деле, честное слово, не могу понять, как такое возможно!)».

Однажды я задал вопрос насчёт часов работы его бара – уж больно не хотелось платить четыре евро за то, что можно взять за полтора, а порой, наталкивались на закрытые окна и двери у моего нового друга, приходилось пить мадеру за те же четыре евро. Антонио, как всегда, широко улыбаясь, со всенепременным *amigo,* можно сказать, писая от счастья от моего вопроса, ответил, что не знает… Да, не знает, потому что работает, когда хочет. Ему ничего не надо, у него уже всё есть – бар, это только маленькая часть большого дома в самом дорогом районе города с четырьмя спальнями и тремя ванными комнатами (плюс кухня, большая гостиная, ещё какие-то помещения). Работает тоже, когда друзья приходят, ведь они ему звонят и спрашивают: «Ну ты откроешься сегодня после обеда, например?» Потому что с часу до трёх Антонио всегда закрыт, всегда, надо покушать, а потом чуток поспать, иначе

зачем вообще работать, если отдохнуть после обеда нельзя? Вечером тоже закрывается рано, часов в шесть-семь, да и в другое время может в любой момент закрыть заведение.

Антонио шестнадцать лет ловил рыбу в Панаме и Калифорнии, и, когда вернулся из тех тёплых, по местным меркам, краёв в далёком девяностом году, смог позволить себе построить это «маленькое семейное гнездо», у него ведь трое детей, он дедушка, старшему сыну уже сорок четыре года. Самому Антонио под семьдесят лет, но он просто брызжет здоровьем и энтузиазмом, все его потребности удовлетворены – пенсия есть, бар, наверняка, оформленный на кого-нибудь из семьи, приносит хоть маленький, но какой-никакой доход, на Канары ему ездить ни к чему, потому что это всего километров пятьсот-шестьсот от дома, здесь, на Мадейре, не хуже, на пару градусов холоднее, но кто ездит зимой из Рязани в Воронеж, потому что там не минус двадцать, а минус восемнадцать? В общем всё хорошо, что ещё надо человеку, чтобы встретить старость?

Бар Антонио – это особая статья нашего рассказа. Когда попросишь не мадеру, а местную подслащённую, но крепкую масию, Антонио нальёт её не из магазинной, а из своей, домашней, бутылки, предварительно крепко встряхнув её. Напиток оригинальный, что называется, на любителя, но после купания в зимней, мадейранской, воде, бодрит. Даже беганье по песчаному пляжу не помогает так согреться, как масия от Антонио, и всего за один евро. Кроме всенепременного на Мадейре кофе, пива в малюсеньких, двухсотраммовых, бутылках и мадеры Антонио наливает свою сладкую самогонку и кассу при этом не всегда включает, впрочем, даже, если он её и включает, по-моему, этот аппарат тридцатилетней давности, чем-то напоминающий наши, советские, кассы, выдаст чеки, годные лишь для помойки. А и в правду, зачем? Видимо, платит государству что-то вроде вменённого налога, и то хорошо.

Кроме своей самогонки Антонио держит десятка три открытых и закупоренных бутылок самых разнообразных напитков, крепостью свыше десяти градусов, но не они дают доход его заведению. Вот местный ром – агварденте (жгучая вода в переводе на русский, верно замечено, между прочим) у него стоит с растрёпанной, наверное, ещё лет десять назад этикеткой, там, видимо, уже спирт весь выветрился. Кофе, пиво и самогонка от Антонио – основные напитки бара, еду Антонио не подаёт – «Дома есть надо, что жрать сюда пришли?». Вообще вся обстановка бара очень и очень проста – начиная от радиоприёмника «Philips» восьмидесятых, примерно, годов (работает, зачем выбрасывать!) и заканчивая непривычно примитивным

для нас, жителей Северной столицы, но таким обыденным на Мадейре туалетом с унитазом без стульчака («ты чё ср..ь сюда припёрся?»). Всё просто в то же время и мило, как и сам Антонио, мой почти совсем бескорыстный, в отличие от других, мадейранский друг. Ну разве три евро за две мадеры с порцией орешек считаются? Или два за пару малюсеньких стаканчиков его собственной, домашней самогонки? Они ему не нужны вовсе. Это благотворительность. Ему надо лишь в карты с друзьями сыграть да похлопать по плечам друга из далёкой, засыпанной снегом России, где сколько? Минус четырнадцать? А это как? Что это такое, минус четырнадцать? А главное: «Amigo, tudo bem?» (Дружище, всё хорошо?). А я ему отвечаю: «Sim, tudo bem!» - Да, всё хорошо! Да и как может быть иначе? Всё хорошо!

ЯНВАРЬ 2019

НОВАЯ ПОРТУГАЛЬСКАЯ РЕЛИГИЯ

В Португалии футбол – это религия. Иногда кажется, что он успешно заменил в общественной жизни патриархальное католичество. Во всяком случае, новостные программы никогда не уделяют столько времени освещению, например, христианских праздников, как показу и комментированию главного действа современного зомбоящика – футбола. Куда там американо-китайским торговым войнам, куда там войне в Сирии, не говоря уже о такой ерунде как дело Скрипалей, вот матч Бенфинка-Порту – это событие! В главном выпуске национальных новостей его будут обсуждать, пересматривать, обсасывать минут пятнадцать. И только потом пойдёт информация об эпидемии гриппа, о забастовке медсестёр, об очередном посещении престарелого Президента страны очередной школы или ассоциации друзей собак. Поэтому в Португалии, ну, во всяком случае, на Мадейре нет такого понятия «спортивный бар», там они все спортивные, и транслируют понятно какой вид спорта, не хоккей же, о существовании его здесь некоторые даже не подозревают.

Футбол – это главная страсть португальцев, в детском возрасте гоняют мяч все, в юношеском – даже слушатели Духовной семинарии в столице Мадейранской автономии: несколько раз в неделю своей буйной игрой с непременными криками радости и горести, а также (О Боже!) бранью низшего ценового уровня, никак не вяжущейся с их пока ещё невысоким, но уже кое к чему обязывающем, саном, будущие священники мешают покою жителей соседних домов. Только взрослые играют мало, они больше отдают себя этой страсти сидя (или стоя у барной стойки) перед экраном телевизора.

Что уж говорить о болельщиках! Во время просмотра матча они забывают о жёнах и детях, о работе и об отдыхе – они «болеют». Женщины, кстати, тоже, хотя меньше, всё же, что ни говори, а кому-то домашним хозяйством заниматься надо. А сколько времени уходит на послематчевые разговоры, на перемалывание косточек неудачливому игроку или тренеру, на анализ положения команд и их перспектив в чемпионате! Тут все, конечно, становятся специалистами высшего класса по игре в мяч. Ну а как иначе, «мы все учились понемногу, чему-нибудь, и как-нибудь!»

И какие страсти разгораются на поле и на трибунах! Не могу сказать за всю Португалию, но жители Мадейры очень мирные и спокойные люди. Машина

останавливается, чтобы водитель смог поговорить со встречным знакомым, вставшие сзади терпеливо ждут, не клаксонят. Ну надо же человеку пообщаться с другом, он его целых два дня не видел! Не припомню такого, чтобы пара соседок устроила бы какие-нибудь уличные разборки, уж тем более не приходилось становиться свидетелем уличной драки или хотя бы обычных пинков провинившимся в чём-то простым встречным-поперечным. И только футбол способен довести граждан маленького острова до применения кулаков. Однажды привелось наблюдать матч юношеских команд (детей 16-17 лет) из двух маленьких мадейранских городков (наверное, это была третья-четвёртая лига чемпионата в соответствующей возрастной категории). Играют-играют, вроде, всё нормально, но где-то кто-то сфолил, судья не заметил, ещё одно нарушение, и наказание от арбитра посчитали недостаточным, страсти накаляются, кричат « E vergonha! Это позор!», и тут один игрок цепляет другого, тот в ответ толкает, первый не выдерживает – и обе команды оказываются вовлечёнными в потасовку, даже некоторые родители выбегают на поле, то ли для того, чтобы поучаствовать (когда ещё представится столь прекрасный повод выплеснуть адреналин!), то ли для того, чтобы помочь судьям разнять забияк. Арбитрам еле удаётся растащить разбушевавшихся драчунов. Проигрывать они, в отличие от наших высокооплачиваемых футболистов, не любят и не хотят. Наверное, потому что играют за бесплатно, только гордость на кону.

Вообще португальцы рождаются с мячиком в ногах, наверное, в родовспомоществовательных блоках есть специальное отделение для мячей, в пять лет детки пинают их вполне прилично, в десять лет игрок какого-нибудь подросткового клуба составил бы достойную конкуренцию мальчику из Академии «Зенита», а в пятнадцать – о, держись скамейка запасных ЦСКА или Спартака, они вам бы показали, как надо играть, и ваши шансы попасть в «основу» стали бы иллюзорными. Поэтому на счету нашего российского футбола и имеются заслуженные 1-7 с Португалией на чемпионате Европы 2004 года.

И как португальцы боготворят своих футболистов! В честь Роналду назвали аэропорт, хотя за клубы родной страны он выступал меньше всего. Всё больше за испанские да за английские, но тем не менее он - национальная гордость, что-то вроде нашего Гагарина. Ну и где вы видели музей футболиста, возможно, в Бразилии есть что-нибудь, посвящённое Пеле, так он уже 50 лет не на поле. А в мадейранской столице Фуншал, прямо на променаде парадной набережной построили настоящий мемориал Роналду, а он ведь ещё даже карьеру не завершил. И ещё один факт: в знак траура по великому игроку шестидесятых годов Эузебио по всей стране отменили торжества в честь очень почитаемого празднования поклонения волхвов младенцу Христу или Богоявления по-нашему. Этим весёлым праздником заканчиваются

рождественско-новогодние гулянья, которые длятся почти месяц! Каждый год в некоторых католических странах к «Волхвам» пекут пироги с цукатами и орехами, на Мадейре их ещё и соединяют в одну длинную линию, обрезая горбушки, и выкладывают на длинных столах в общественных местах. Такие пироги порой достигают в длину трёхсот метров и больше, каждый может подойти и отрезать себе кусок (хотя с гигиеной, конечно, здесь не всё в порядке – пальцев много, а пирог один). В год смерти «чёрной пантеры», как прозвали в своё время Еузебио (он уроженец Мозамбика), наверное, многие хозяйки не знали, что потом делать с выпеченными для народа пирогами.

По титулам Еузебио уступает Роналду, боюсь предположить, что будет, когда нынешняя португальская звезда покинет сей бренный мир. Ну а после смерти «чёрной пантеры» вся страна несколько дней скорбела о потере знаменитого в прошлом футболиста, государственные флаги были приспущены, телевизор вместо обычного футбола показывал похороны великого Мастера. Не бывало такого, чтобы по случаю кончины какого-нибудь кардинала в Португалии объявляли трёхдневный траур. Слушайте, кардиналов так много, а Еузебио один, ну теперь ещё и Роналду, правда, есть, так ведь не умер пока! Воистину футболу – это новая католическая религия в этой небольшой стране!

ЯНВАРЬ 2019